

Т.М.Николаева

Вспоминаю....

Андрей,

мы познакомились с тобой в 1952 году. Так что, наверное, кроме Лены, я знаю тебя дольше всех. Буду вспоминать хотя бы немного из того многого, что я помню. А помню многое. Конечно, все твои данные прекрасны, но я больше всего вспоминаю твою доброту и дружбу. Я на всю жизнь поняла, что общее мнение о невозможности простой дружбы между людьми разных полов неверно. Это бывает. и я очень тебе за нее благодарна.

Не хочется писать о твоих творческих успехах. Они известны всем, и я ничему у тебя не научилась, потом что это невозможно.

Но помню и легенду о тебе, как твоей маме сказали, что Андрюше лучше не учить немецкий, так как мальчик к языкам очень неспособен.

Однако в 1962 году мы сидели рядом в самолете, летящем в Будапешт, ты раскрыл учебник венгерского языка, погрузился в него – и через два-три дня уже пытался разговаривать на улице, а в конце нашей турпоездки уже привирал, что венгерский – это твоя университетская специализация. И ты пытался научить меня своему пятисотсловному списку.

Тогда ты совершил поступок по тем временам героический. В каком-то баре, куда повели нашу академическую группу посмотреть заграничную жизнь, пела красивая певица. Потом ты подсел к ней – группа замерла – и заказал ей, кажется, хороший коньяк. И сколько тогда мы танцевали в балатонских клубах, нищие (нам обменяли четырнадцать рублей) сотрудники Академии наук.

Я колебалась тогда, ехать ли мне в эту Венгрию. Ты понял, в чем дело, понял, что у меня нет денег и спокойно предложил мне дать в долг. «Отдашь, когда сможешь».

Помню, как ты создавал пишущую машинку-билингв и по каждому клавишу иногда приходилось переклеивать литеру до шестидесяти раз.

А тогда, в 1952, ты мне пересказал свою первую курсовую – о французских заимствованиях в английском языке XV1 века. Я слушала внимательно и , придя в группу, сказала: «Девочки, мы будем гордиться, что учились с ним в одно время».

В те годы студенты как-то делились на две группы: в НСО или около комсомола, в любом качестве. Естественно, мы были в НСО и, как я помню, все время что-то реконструировали.

Вместе с тобой и Леной и другими мы ходили на лекции Вячеслава Всеволодовича, тогда еще тоже юного, восхищались им. Но однажды я сказала: «Андрей, я не могу ходить на лекции Иванова» - «Почему?» - «Знаешь, я беременна». Ты отнесся к этому серьезно, ведь действительно в таком виде на индоевропеистику и хеттский ходить невозможно. Ты подумал и сказал: «Таня, мы будем входить вместе, ты сразу за мной. Тогда будет не так заметно».

Какими же детьми мы тогда были.

Из-за раннего замужества меня хотели снять с повышенной стипендии, которую мы с тобой получали. Я знаю, что ты ходил хлопотать за меня в деканат и восстановил меня, а тогда я об этом ничего не знала. Ведь ты возглавлял Научное студенческое общество всего МГУ.

Помню, как каждое лето после переезда на дачу, мой муж начинал сезон с вопроса «А когда к нам Зализняк приедет?». И ты приезжал, и вы ходили смотреть футбол к соседям и страшно там оба кричали, чем соседей поражали. Как-то раз вы приехали с Леной, у нас практически не было ничего, и я смогла только сварить гречневую кашу, но все равно было весело. Мой Андрей всегда был рад тебе и все долгие годы в трудных случаях говорил: «Надо спросить у Зализняка». И мы с ним специально ходили в Одессе в Исторический музей смотреть на пугающий портрет твоего грозного предка Максима Зализняка, вождя гайдамаков и народного гетмана.

На нашем рынке в Салтыковке мне как-то удалось купить тебе подарок – «Машину времени», записанную «на ребре.». Тогда это была редкость.

Андрей мой тоже в каком-то смысле был перфекционистом, как и ты. Вообще было у вас какое-то внутреннее сходство, о чем мы с Таней ему не раз говорили. Сходство было и в неуловимой и привлекательной женственности, которая на самом деле и должна быть у мужчины. Но была и серьезная разница – тебе больше нравились брюнетки, а моему Андрею – миниатюрные изящные блондинки (см.его брачный выбор).

Перфекционизм твой был всегда широким и даже неправдоподобным. Каждый год и не раз в год вплоть до «перестройки» нас гоняли на овощную базу, мы вставали на заре и плелись в Кунцево. Один раз сообщили, что овощерезка сломана и овощи (капусту особенно) нужно резать руками. Мы пошли и долго и

мучительно что-то резали. А ты пошел – и починил ее минут за десять. Бабы с базы смотрели на тебя с ненавистью.

Помню, как быстро ты освоил мотоцикл, а потом и машину и отвозил меня домой неблизким путем из Трубниковского на малую Никитскую (тогда – Качалова).

Прошло много лет. Институт славяноведения , конец 70-х. Наш шеф, Вячеслав Всеволодович, направляет тебя в издательство «Наука» сдавать коллективную рукопись (Это была «Категория определенности/ неопределенности»). Но считая тебя нервным и ранимым , он послал с тобой «сильную личность» - меня. Новые поколения не представляют себе издательство «Наука» тех лет. Это была сплоченная стая женщин, объединенных одним сильным чувством – ненавистью к автору. Рассказывать об этих годах можно часами. Мы сели. Редактор – сразу: «А вот у вас на странице 244 буква Б плохо пропечатана. Принять не могу». И тут ты вынимаешь из кармана что-то крошечное, перышко, что ли, и говоришь: «Сейчас исправим». «А на странице 321 какое-то пятнышко» - орет редакторша. «Сейчас сотрем». И опять какая-то крошечная резиночка вынимается. Наконец, пускается в ход тяжелая артиллерия. «Я ставлю вам рукопись по 21 странице на лист». «Ну, все», подумала я. Это значит, что несколько хороших работ надо выбросить, так как в книге может быть только 20 листов. «Что делать? Что делать?!». И тут ты, обаятельно улыбаясь, говоришь «Надеюсь, это только шутка?». И сдалась злобная редакторша, сдалась.

Помню, как ваша кошка Мотя пыталась ловить голубей, а потом убежала , и ты встретил мчащуюся по улице маму, искавшую кошку.

Помню, как я дала тебе для прочтения какую-то свою статью, ты прочел – и начал меня ругать. Я заплакала. Тогда ты привез меня домой, посадил на стул, я заплакала еще сильнее. маленькая Анюта смотрела на меня с изумлением. Ты ходил, ходил по комнате, ругая, потом посмотрел, вынул из кармана платок и с кратким «На» протянул его мне. Статья была тут же выброшена.

Поэтому я была счастлива совсем недавно, когда ты слушал, даже с каким-то волнением, мой доклад о таинственном Прусте, и потрепав меня по плечу, сказал : «Молодец, Таня».

Я знаю, как много ты понимаешь (я говорю о людях), но не говоришь об этом. Но испытания бывали и у тебя. Ты всегда любил преподавать, любил читать лекции, готовил примеры. И вот – в разгаре лекции – появлялся Владимир

Андреевич Успенский. Тогдашний демонический друг, диккенсовский Стирфорт, лорд Генри в «Дориане Грее», который говорил : «А.А., Вы пойдете со мной чай пить?». А тут таблицы в самом разгаре...Эти эпизоды были даже литературны.

Одно из самых сильных моих впечатлений – это твоя лекция против фоменковщины в Актовом зале МГУ. Я вышла, пошла по улице, почти шатаясь. И сзади меня подобрали Анюта и Миша, усадили в машину. Анюта все повторяла «Ну папа! Ну, папа!».

Да, восемьдесят лет – это не двадцать пять. И совсем недавно в ответ на мои жалобы, что я стала медленно ходить, ты серьезно сказал: «Радуйся, Таня, что ты еще вообще ходишь».

Но я скажу, повторяя слова одной нашей общей знакомой, которой когда-то я , огорчаясь , говорила, что мне уже двадцать шесть. «И в сорок один живут».

И вот и я скажу : «И в восемьдесят один живут».

И поздравляю от души.